

УДК 80

ББК 83

**ОТ СТРУКТУРАЛИЗМА К ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМУ
В РАМКАХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

*А.В. Зипунов, Московский университет имени А.С. Грибоедова,
г. Москва, Россия*

**FROM STRUCTURALISM TO POSTSTRUCTURALISM
IN LITERARY STUDIES**

A.V. Zipunov, Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia

Аннотация. В данной статье рассматривается структурализм как методология для изучения художественных текстов. Дан краткий обзор на исследования отечественных и зарубежных структуралистов в рамках литературы, в частности — стиховедения. В том числе рассмотрены разработки московско-тартуской и Парижской семиотической школы. Также проанализированы причины структуралистского кризиса, впоследствии которого сформировался постструктурализм. Кроме того, рассмотрены перспективы для дальнейшего применения структуралистского инструментария в области стиховедения.

Ключевые слова: структурализм, постструктурализм, литература, стиховедение, Лотман, Леви-Стросс.

Abstract. In this article structuralism is considered as methodology for literature study. Brief review of domestic and foreign structuralists researches was given in this work. Moscow-tartu school and Paris semiotic school developing were considered. Also there is analysis of structuralism crisis, because of which poststructuralism was formed. There is a prospect for further application of structuralist instrument in verse studies.

Key words: structuralism, poststructuralism, literature, poetry, Lotman, Levi-Strauss

E-mail: andzip@mail.ru

Цель рассмотреть массовые культурные явления, связанные с художественными текстами, подталкивает к поиску особого инструментария. В рамках данной задачи особый интерес вызывает структурализм, который применялся в точных и гуманитарных науках. Поскольку сфера моих исследовательских интересов придерживается литературоведения, мы обратим

особое внимание на разработки инструментов для анализа художественных текстов со смысловой точки зрения. В частности, особенно интересны методы исследования стихотворений.

Структурализм как отдельная научная методология зародилась в 1916 году, когда был опубликован «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра [23]. В этой фундаментальной работе заложены первые основы семиотики как науки, которая исследует жизнь общества с точки зрения знаковых систем. Данная методология включает в себя структуру и модели, похожие друг на друга и взаимодействующие между собой. Система подразумевает под собой грамотно выстроенную комбинацию элементов, благодаря которым определенный объект становится целостным.

В то же время структурализм как массовое научное явление зарождается в дореволюционной России и развивается в советской стране. Отечественный филолог Р. Якобсон под впечатлением семиотических идей Соссюра вместе с единомышленниками сформировал целый научный круг, проводивший гуманитарные исследования с помощью структурализма. Так, в 1916 Р.Якобсон основал ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка), в которое входили так называемые формалисты (например, Ю.Н. Тынянов, О. М. Брик, Е.Г. Полонская, Л.В. Щерба, В.Б. Шкловский). Участники данного научного объединения рассматривали искусство как «сумму приемов художника». В данной организации исследовали исключительно внешние формальные стороны искусства, включая литературу (например, «Как сделана «Шинель» Гоголя» Б. Эйхенбаума 1919 года). В итоге анализ литературы носил скорее лингвистический характер. Подобный подход полностью игнорировал социально-исторические факторы, при которых создавались исследуемые произведения.

Однако важно отметить, что и стиховедческие исследования с применением математических инструментариев также имели место быть в формалистском движении. Так, теоретик стиха Б. Томашевский рассматривал внешнюю ритмику произведения статистическими методами (например,

«Стихотворная техника Пушкина» [24]). В то же время, что аналогичную работу проделал А. Белый, выпустив в итоге монографию «Символизм» [7] в 1910 году. Применяя графические и статистические таблицы ритмических свойств в стихотворении, исследователи стремились установить морфологию по родственности или различию поэтического ритма того или иного поэта. Но исследования данных филологов представляют скорее лингвистический интерес с точки зрения внешней формы произведения, без учета смысловой составляющей.

Деятельность формалистов подвергалась критике. В частности, советский писатель М. Горький отмечал, что формализм «как «манера», как «литературный приём» чаще всего служит для прикрытия пустоты или нищеты души» [10].

Однако применение отечественного структурализма не ограничивалось работами формалистской школы. С 1920-х по 1940-е гг. фольклорист В. Пропп, чьи начинания поддерживал формалист Б. Эйхенбаум, занимался анализом структуры сказочных произведений. Итоги исследований В. Пропп опубликовал в фундаментальных монографиях «Морфология волшебной сказки» (1928) [21] и «Исторические корни волшебной сказки» (1946) [20]. Всемирную известность данные работы обрели гораздо позже, в 1958 году, после чего они вошли в так называемый «канон структурализма».

В. Пропп рассматривал общие элементы сказок и классифицировал их на постоянные и переменные параметры. Причем функции сказок распределялись по бинарному принципу (например, «нарушение-запрет», «борьба-победа»). Данные составные части предназначались для попытки рассмотреть возможные исторические корни. Однако из-за нехватки материала некоторые детали проделанного им анализа оказывались недостаточно проясненными. Они требовали дальнейших исследований.

Когда В. Пропп преподавал в Ленинградском университете, у него появился последователь в лице студента из филологического факультета Ю.Лотмана, который впоследствии основал московско-тартускую школу в 1964

году. Данное объединение включало в себя различных советских структуралистов (например, В.Н. Топоров, Ю.И. Левин, А. М. Пятигорский, С.Ю. Неклюдов, И.И. Ревзин).

В то же время, на протяжении нескольких десятилетий зарубежный структурализм оставался в пределах лингвистики. Хотя структуралистский метод обладал потенциалом универсального инструмента, который можно было бы использовать как в естественно-научных, так и в гуманитарно-научных исследованиях. В 1940-х гг. К. Леви-Стросс стремился применить инструментарий Ф. де Соссюра в рамках антропологических исследований. К. Леви-Стросс предполагал, что в фундаменте человеческих культурных практик возложены некие общие повторяющиеся структуры. Подобные явления Леви-Стросс пытался рассмотреть в этнографических материалах. В итоге он выпустил в 1949 году работу под названием «Элементарные структуры родства». При исследовании Леви-Стросс применял термины бинарной оппозиции и теории коммуникации системы родства примитивных народов, а также ритуалы, мифы и т.д. Предполагалось, что структура пронизывает все виды человеческой деятельности. Причем структура в рамках деятельности зачастую формируется бессознательно, является уделом всякой умственной жизни всех людей во все времена.

Таким образом, к середине XX в. структурализм стал применяться в виде инструмента для так называемой «новой критики». В данном направлении участвовало множество акторов различных гуманитарно-научных направлений, в том числе и в литературоведении. Данную методологию использовали в различных междисциплинарных направлениях (например, немецкая «морфология культуры» Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, В. Шмидта).

Необходимо также упомянуть о параллельной, Пражской школе структурализма. Однако данное направление ориентировалось на сугубо лингвистические исследования, в то время как Парижская семиотическая школа рассматривала структуры в различных гуманитарных науках, в том числе и в литературоведении. Поэтому в рамках нашего исследования, из зарубежных

структуралистов нам наиболее интересны работы французских структуралистов. Итак, участниками Парижской семиотической школы структура признавалась в значительной степени универсальной и вневременной. Общий подход французских структуралистов заключался в том, что его представители исследовали универсальные структуры, лежащие в основе знаковых систем.

С позиций же отечественных структуралистов знаковая система состояла из бинарных оппозиций и содержала универсальный «код», значение. В рамках литературоведения московско-тартуские семиотики формулировали семиотическую версию традиционного героического изображения автора в России. А литературные герои в научных работах рассматривались как пользователи кодов (например, подобное в анализе исторического романа А.С.Пушкина «Капитанская дочка» Ю.М. Лотманом).

Не менее интересно другое направление во французском структурализме, существовавшее отдельно от Парижской школы – это генетический структурализм, созданный философом и социологом Л. Гольдманом. При изучении прозаических текстов он попытался совместить структурализм и психологию. Он является приверженцем марксизма, и его взгляды перекликаются со взглядами философа П. Лафарга и советского литературоведа В. Переферзева. В своей работе «Диалектические исследования» 1958 года [3] Гольдман рассматривал генезис искусства как неотъемлемую часть социально-экономической и классовой части общественной жизни.

Гольдман призывал при анализе произведения учитывать биографические данные автора и социально-исторические процессы, подтолкнувшие к созданию текста. При этом автор, с позиции Гольдмана, по умолчанию является представителем определенной социальной группы. Но поскольку в жизни любого автора характерно многообразие социальных связей, то в тексте могут быть обнаружены любопытные коллизии между писательской деятельностью и обыденной жизнью. Литературный текст – это структура, которая подражает структурам социальной жизни отображаемой эпохи. При этом произведение

выражает масштабный конфликт классов, даже если действующие лица в романе или повести являются единичными.

Так, разбирая роман «Процесс» Ф. Кафки, Гольдман рассматривает созданную в тексте структуру, которая отображает усиливающуюся атомизацию общества. По окончании анализа, Гольдман пришел к следующему выводу: с точки зрения Кафки, под влиянием социальных структур гуманизм капитулировал. Как можно понять из данной работы с такими неутешительными итогами, структуралистско-марксистский подход в рамках буржуазной системы не получил как такового распространения. В целом, данный подход оказался близок к традиционному марксистскому литературоведению. Инструмент структуры при анализе прозаических текстов был использован очень условно.

Стоит отметить, что в подобном анализе текста необходимо учитывать фактор объективности, адекватности отображения действительности. Автор произведения не просто показывает некую картинку современности, в которой он живет. Но также он переосмысляет эту действительность со своих субъективных позиций, в связи с чем возникает вопрос: насколько эта действительность достоверна отображена и осмыслена творцом, и с позиций какого класса она показана тем или иным образом?

Возвращаясь к отечественному структурализму в том же временном периоде, следует отметить, что полноценные исследования именно по стихотворным структурам в рамках московско-тартуской школы появились гораздо позже, ближе к 1970-м. Но в то же время основатель собственного филологического кружка в МГУ, математик А. Колмогоров, проявляет интерес к стихотворной структуре. В частности, в августе 1960-го года Колмогоров приступил к анализу лирических фрагментов из «Египетских ночей» А.С.Пушкина [14, с. 3].

Математик поставил перед собой следующую задачу: создание из материи искусственных форм жизни. Он намеревался исследовать точными методами духовно-мыслительную область жизни человека, чтобы разобраться в

механизме создания жизни. Для этого Колмогоров и его ученики принялись исследовать свойства системы стихосложения. Для этого они использовали статистический инструментарий формалиста Б. Томашевского. Причем их интересовали свойства, которые оставались бы неизменными вне зависимости от исторических эпох. Исследование поэтических текстов нужно для испытания инструментов статистических исследований по простым динамическим системам. При этом данные инструменты предполагалось использовать в дальнейшем для анализа более сложных систем. В конечном счете Колмогоров намеревался с помощью структуралистских методов исследовать процесс функционирования жизни как таковой. С его позиции, создание стихотворного текста — простая модель строения жизни. В соответствии с этим, анализ стихотворного структурирования должен в итоге привести к моделированию жизни. Однако невозможность обосновать модель жизни, а также неточное сопоставление жизни и стихотворчества в итоге не позволило адекватно выявить данную модель. Однако математические методы, предлагаемые Колмогоровым, оказались весьма эффективны при исследовании дольника поэзии и различных вариантов метрики.

Примечательно, что в 1974 году Колмогоров выступил оппонентом у М.Гаспарова, одного из представителей московско-тартуской школы. Но исследования данного структуралиста мы рассмотрим позднее.

Параллельно научным исследованиям М. Колмогорова, К. Леви-Стросс совместно с эмигрировавшим из советской страны Р. О. Якобсоном пробуют первый, в рамках французского структурализма, полноценный структуралистско-стиховедческий анализ стихотворения Шарля Бодлера «Кошки» [27] с точки зрения внешних форм (рифма, ритмика, фонемы и т.п.), без учета семантической, смысловой составляющей.

В то же время, переведенные за рубежом работы В. Проппа оказали влияние на французский структурализм. Зародилось специализированное направление под названием «нарратология», изучавшее сегменты повествования и способы их взаимодействия. Данное направление включало в

себя множество ученых (Тодоров, Греймас, Женетт, Клод Бремон и др). Кроме того, сам Леви-Стросс с 1964 года вплотную занялся исследованиями структур в индейских преданиях Северной и Южной Америки. В результате была выпущена серия статей под общим названием «Мифологии» [15]. Однако использование структуры в рамках мифологической сферы оказалось малоэффективным, поскольку в проведенном анализе материалов не учитывались факторы динамизма и историзма. Иначе говоря, в исследовании не удалось рассмотреть изменения структур в зависимости от историко-социальных процессов.

Между тем А.Ж. Греймас, другой представитель Парижской семиотической школы, занимался разработкой особой, «структурной семантики». Структуралист предполагал, что ему удалось найти наглядный способ представить структуру смысла через так называемый «семиотический квадрат», примененный в работе «Семантическая структура» (1966 г.) [4]. В данной диаграмме каждый угол представляет из себя минимальную семантическую единицу (обозначенную как «сема»), и данные семы противоположны по отношению друг к другу. Однако данный инструмент не учитывал подтекст исследуемого произведения (в том числе и авторскую позицию). Сформировавшаяся система выводила смысл, который не мог не коррелировать с содержанием текста. Вследствие этого возникал вопрос о верификации анализа текста через семиотический квадрат.

Р. Барт, хотя и являлся соподвижником Леви-Стросса, но он рассматривал произведение с позиций, отличных от позиции его коллеги. Еще в 1967 году он вводит понятие «смерти автора» [6]. Так, он полагает ненужным сопоставлять биографию автора и содержание исследуемого произведения. Интерпретация текста проводится автономно от личности автора. Строение текста и литературный слог являются наиболее важными областями для изучения текста, в отличие от содержательной составляющей. Подход к замкнутому исследованию структуры с вольной интерпретацией текста с полным отказом от исторического прочтения текста является одним из ранних проявлений

постструктурализма, при котором прежние, логические выверенные и точные методы исследования текста отходили в сторону, а на первое место выходило субъективное восприятие материала самим исследователем. Р. Барт сформировал деконструктивистский подход, который в итоге нашел многих последователей (например, Ж. Деррида, А. Маслоу).

В том же году Ж. Деррида развивает в рамках французских гуманитарных наук деконструктивистское направление. В «Грамматологии» [1] он провозгласил нестабильность структуры, т.е. каждая структура не сохраняется в прежнем виде, а становится частью другой структуры. Также он заявил, что в рамках какой-либо области невозможно расставить структуры по степени важности. Также и интерпретация структуры не обязана обладать конкретной формулировкой. В конечном счете, все различные объяснения тех или иных структур имеют право на существование. Таким образом, уже к концу 1960-х годов структуралисты начали сомневаться в том, возможно ли в принципе выявить критерий истинности из исследований текстов с помощью их методологии.

В это время в области советского структурализма Ю. М. Лотман в работах «Структура художественного текста» (1970) [17] и «Анализ поэтического текста. Структура стиха» (1972) [16] выстраивает эволюционную ось развития художественных текстов. Поэзия в этой градации предстает первичной формой расподобления естественного языка в искусстве. Лотман выделил три функции художественного текста: донесение первичной информации, смыслопорождение и культурная память. Рассматривая текст как систему знаков, а также квалифицируя взаимоотношения между ними, предполагалось увидеть механизм авторского стиля и способ донесения определенных смыслов, как с точки зрения филологии, так и социологии.

Структурно-семиотический анализ литературного текста по методу Ю.М.Лотмана представляет из себя сложную, многоуровневую систему. Так, общий принцип анализа стихотворения проводился следующим образом: разделение текста на определенные сегменты. С внешней точки зрения

стихотворение делилось на строфы, строки, слова, слоги, а с содержательной – на несколько смысловых уровней. Причем сегменты каждого уровня обретали диалектически противоположную пару, с точки зрения содержания и с точки зрения формы. Для пояснения смыслов текста учитывалась «культурная память», которая выражалась в отсылках к произведениям из предыдущих эпох. Структура стихотворения осложняется такой особенностью как «минус-прием»: иногда поэт может осознанно нарушать ритм в определенной строке, на что читатель неосознанно обращает на это особое внимание. Однако работы с текстами с различными структурами позволяли делать частные выводы, для решения сугубо узких задач.

Другого представителя московско-тартуской школы, ранее упомянутого М. Гаспарова, интересовала трансформация литературных тенденций, которые проявляются в той или иной исторической эпохе. В рамках данной проблематики М. Гаспаров разработал докторскую диссертацию «Современный русский стих. Метрика и ритмика» [9], выпущенную в 1974 году и переизданную в 1984 году с дополнительными материалами. Структуралист намеревался проанализировать точными методами блок существовавших на тот момент художественных произведений. Предполагалось, что таким образом можно было выявить индивидуальные характеристики литературного направления той или иной эпохи, а также особенности написанных текстов и индивидуальные черты определенных авторов. Однако явление культурной памяти, заимствованной у Ю. М. Лотмана, осложняло задачу. Произведение обладает структурой, схожей со структурой произведения другой эпохи. Следовательно, встает вопрос об истоках первичной структуры. Однако филологам требовались дополнительные исследования по раскрытию данных истоков.

Помимо инструментов из московско-тартуской школы, также известна поэтика выразительности А. К. Жолковского и Ю. К. Щеглова, работы по которой данные ученые впервые опубликовали в 1976 году под названием «Математика и искусство. Поэтика выразительности» [11]. Суть данного

направления заключалась в том, что с помощью приемов выразительности текст мог отображать определенную тему. Авторы данной теории воспринимали структурализм как научную стратегию, которая позволяла рассмотреть исследуемый материал с помощью конкретной системы формальных приемов. Однако Жолковский и Щеглов не исследовали системность и соотношения между культурными явлениями. В итоге им каждый раз приходилось с нуля формировать систему исследуемого явления. По сути, они генерировали не связанные между собой алгоритмы создания уникального текста, при этом авторы не уделяли как такового внимания исторической эпохе, при которой создавался анализируемый текст.

В это время, один из французских структуралистов, Дж. Каллер в эссе «История и дискурс в анализе нарратива» (1981) [2] попытался разделить произведения на общие сегменты и систематизировать их, благодаря чему можно было бы обнаружить своеобразную «грамматику» сюжета. Но получившиеся сегменты с точки зрения обобщения оказались спорными и, если попытаться на их основе заново создать структуру, данные структуры получались достаточно туманными.

В период 1970–1980-х прогрессировал идейный кризис. Принцип автономизации литературной формы от различных областей сыграл злую шутку со структуралистами. Изобретательные и комплексные инструменты структуралистов позволяли делать интересные, но частные выводы. Рассматривая индивидуальные структуры в отдельно взятых произведениях конкретных авторов, оказывается затруднительным рассмотреть социальный источник происхождения неких общих структур. Не получается найти через призму структур те факторы, из-за которых создаются произведения определенного направления. А ведь изначально структурализм подразумевался как максимально объективный и точный инструмент как для гуманитарных, так и для естественных наук. Одна из ключевых проблем – источник структуры – так и осталась не решенной. Структурно-филологические инструменты были направлены на анализ структуры текста, без учета исследования подобных

структур за пределами текста. Хотя некоторыми филологами (например, Ю.М.Лотман) отмечалась необходимость учитывать исторический фон или контекст при анализе произведения.

Впоследствии структурализм в России постепенно исчез в связи с уходом из жизни ведущих представителей, включая Ю. Лотмана. Прежние инструменты приводили исследования к тупику, и тогда были предприняты попытки найти для методологии альтернативу. К этому моменту структурализм в рамках мировой науки сменился так называемым постструктурализмом. При этом новые методы в большей степени применялись и применяются зарубежными постструктуралистами к историко-философским текстам, нежели к поэтическим. Однако этот этап в рамках отечественного структурализма все же необходимо осветить.

В период 1990-х филолог и редактор журнала «Новое литературное обозрение» С. Козлов критически воспринимал идеи московско-тартуской школы. Он, вдохновившись работами западных структуралистов вроде Р.Барта, стремился внедрить через публикации в журнале «НЛО» новые постструктуралистские инструментариумы. Так, в 1993-м году во 2-м выпуске журнала он публиковал статью деконструктивиста Поля де Мана «Гипограмма и инскрипция». В этой работе постструктуралист критиковал семиотический подход Майкла Риффатера, который заявлял о «торжестве формы над содержанием в поэзии» [18]. С позиции Риффатера, литературный язык является парадигматическим знаком, который создает индивидуальные знаковые системы. Но при этом, с позиции Поля де Мана, Риффатер никак не пытается структурально проанализировать знак. По мнению деконструктивиста, анализ должен строиться по новому принципу, как система разноуровневых зеркал. Сам С. Козлов во вступительной статье предупреждает о том, что работа Поля де Мана «может и разочаровать, и раздражить филологически ориентированного читателя» [13, с. 29]. Однако специфический подход Поля де Мана так и не нашел своего применения в рамках отечественного структурализма

Но Козлов продолжает внедрять новые инструментарии. Так, в 42-м номере «НЛО» 2000 года он публикует подборку статей, связанных с американским новым историзмом [19]. Данное явление зародилось благодаря постструктуралисту С. Гринблатту. Оно обладало сугубо идеалистическим характером, поскольку представляло из себя исследование так называемой «интеллектуальной истории» (т.е. истории человеческой мысли) исключительно через литературу и ее культурный контекст. Однако стремления С. Козлова преобразовать новый американский историзм в российский историзм оказалась безуспешной, поскольку с подобным инструментарием невозможно рассмотреть текстовые материалы с объективной точки зрения.

Один из западных структуралистов, Х. Уайт, в работе «Метаистория» 1973 [25] года провозглашает идею о том, что исторические сочинения не отображают объективно социальные процессы, а приукрашивают ее с помощью нарратива, характерного для художественной литературы. Современным филологом О.А. Проскуриным предпринималась попытка адаптировать данный метод в рамках отечественного структурализма. Так, Проскурин выпускает сборник статей «Литературные скандалы пушкинской эпохи» (2001) [22]. В данной работе охвачены некоторые, несвязанные между собой любопытные частные случаи: например, «литературные подтексты арзамасской речи С.Уварова» или «литературно-полемический контекст шалости Пушкина», но в рамках данных исследований не хватает систематизированных выводов.

Также можно упомянуть, что в начале 2000-х российский литературовед А.Зорин опирался на идеи американского антрополога К. Гирца. Так, американский структуралист рассматривал семиотику, знаки и символы как идеологический фундамент. С его позиций, когда человек осваивает неизвестное для него окружение, то он интерпретирует его через близкие и понятные ему знаки и символы. И данные метафоры в итоге преобразуются в самостоятельные шаблоны, по которым определяют то или иное явление. С позиции А. Зорина, эти символы обладают наиболее длительной жизнью в рамках литературы. Так, он сопоставляет рубеж XVIII-го и XIX-го века с

концом XX века в сборнике статей «Где сидит фазан. Очерки последних лет» (2003) [12], и приходит к выводу о стремлении человечества вернуться в состояние предыдущих эпох, в «волшебную сказку». В то же время вопрос о генезисе шаблонов, связанных с культурой исследованных эпох, требует дальнейшего рассмотрения.

Итак, новые филологические инструменты так и не достигли массового распространения в рамках постсоветской науки. Через данные методы оказалось невозможным объективно рассмотреть текстовые материалы и адекватно верифицировать полученные результаты. То же самое касается и текстов стихотворного направления.

Наиболее эффективными исследованиями с точки зрения поэзии оказались измерения ритмов с графической интерпретацией. Так, фоносемантик С.Б.Бураго [8], (позднее, в 2010 году данную попытку повторит С.В.Чигарова [26]) попробовал выявить корреляцию между смысловой нагрузкой стихотворения и его уровнем звучности. В рамках данного исследования он написал работу «Мелодия стиха» в 1999 году. Однако данное исследование в большей степени делает акцент на звуковой составляющей и формальной, внешней насыщенности стихотворного текста, нежели на внутреннем содержании. Подобный подход с популярными песнями использовал американский филолог М. Огихара в статье 2018 года «The Semantic Shapes of Popular Music Lyrics: Graph-Based Representation, Analysis, and Interpretation of Popular Music Lyrics in Semantic Natural Language Embedding Space» [5].

Использование структуралистского метода, обладавшего потенциалом универсального алгоритма, в итоге оказалось тупиковым. Попытки переосмыслить инструмент усложнили прежний алгоритм, и верифицировать результаты исследований по новым методам оказалось сложнее. Однако прежние методы и некоторые структурные особенности: например, бинарные оппозиции, фактор бессознательного структурирования, сегментирование сюжета, содержания – по-прежнему вызывают интерес. Поэтому, как можно наблюдать в различных исследованиях по авторской песне, в текущий момент

многие филологи пытаются снова обратиться к прежним инструментам структурализма, в том числе и созданных в московско-тартуской школе. И, вероятно, более детальное исследование явлений, упомянутых предшественниками вскользь (например, «рифма ситуаций» Ю. Лотмана [16, с. 106]) позволит по-другому рассмотреть инструмент структурализма и его применение в изучении массовых культурных явлений, связанных с текстом.

Список литературы

1. *Derrida J. De la grammatologie. – Paris: Minuit, 1972. – 451 p.*
2. *Culler J. Story and Discourse in the Analysis of Narrative in The Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction. – N.Y.: Cornell University Press, 1981. – P. 169–187.*
3. *Goldman L. Recherches dialectiques. – Paris: Gallimard, 1958. – 330 p.*
4. *Greimas A.-J. Sémantique structurale, 1 vol. // Les Etudes Philosophiques. – 1966. – № 21 (3). – P. 413–415.*
5. *Ogihara M. The Semantic Shapes of Popular Music Lyrics: Graph-Based Representation, Analysis, and Interpretation of Popular Music Lyrics in Semantic Natural Language Embedding Space // 17th IEEE International Conference on Machine Learning and Applications. – Orlando: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2018. – P. 1249–1254.*
6. *Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – 615 с.*
7. *Белый А. Собрание сочинений: Символизм. Книга статей. – М.: Культурная революция; Республика, 2010. – 527 с.*
8. *Бураго С. Б. Мелодия стиха (Мир. Человек. Язык. Поэзия): Монография – Киев: Collegium, 1999. – 350 с.*
9. *Гаспаров М. Современный русский стих. Метрика и ритмика. – М.: Наука, 1974. – 489 с.*
10. *Горький М. О формализме // <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-86.htm> (дата обращения 21.02.2022)*

11. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. *Математика и искусство (поэтика выразительности)*. – М.: Знание, 1976. – 64 с.
12. Зорин А. *Где сидит фазан. Очерки последних лет*. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 224 с.
13. Козлов С. *Де Ман / Риффатерр: полемика в контексте биографии*. *Новое литературное обозрение*. – 1993. – № 2 – С. 25–29.
14. Колмогоров А.Н. *Труды по стиховедению*. – М.: МЦНМО, 2015. – 256 с.
15. Леви-Строс К. *Мифологии. Т. 1. Сырое и приготовленное*. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с.
16. Лотман Ю.М. *Анализ поэтического текста. Структура стиха: Пособие для студентов*. – Л.: Просвещение, 1972. – 272 с.
17. Лотман Ю.М. *Структура художественного текста*. – М.: Искусство, 1970. – 386 с.
18. Ман П. *Гипограмма и инскрипция: поэтика чтения Майкла Риффатерра / Пер. и прим. С. Козлова // Новое литературное обозрение*. – 1993. – № 2. – С. 30–63.
19. *Новое литературное обозрение*. – № 42. – М., 2000. – 430 с.
20. Пропп В. *Исторические корни волшебной сказки*. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
21. Пропп В. *Морфология волшебной сказки*. – Изд. 2-е. – М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1969. – 168 с.
22. Проскурин О.А. *Литературные скандалы пушкинской эпохи*. – М.: ОГИ, 2000. – 368 с. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 6).
23. Соссюр Ф. *Курс общей лингвистики*. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.
24. Томашевский Б. *Стихотворная техника Пушкина // Пушкин и его современники*. – Пг., 1918. – Вып. XXIX–XXX. – С. 131–143.
25. Уайт Х. *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 528 с.

26. Чигарова С. В. Звукосмысловая сторона стихотворения Гейне «*Ein Fichtenbaum steht einsam...*» (1821) и его переводов на русский язык // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Литературоведение. Журналистика.* – 2010. – № 3. – С. 42–50.

27. Якобсон Р., Леви-Строс К. «Кошки» Шарля Бодлера // *Структурализм: «за» и «против».* – М.: Прогресс, 1975. – С. 231–255.